

ние, подписанное именем «Вятчанин» называется «В память минувшему, в честь настоящему»:

Было время – люди жили
Как крыловские сатрапы:
Кошелек чужой любили
Забирать бесчестно в лапы.

То-то время золотое –
Люди только ели, спали,
И невежество слепое
Простотой разумной звали.

В пояс кланялись породе,
Честь богатству продавали
И на страждущем народе
Унижение вымещали.

Ум и жизнь забыты были
В это время утопии.
Но дни эти схоронили
Литераторы России!..

На наш взгляд, это – хоть и незатейливая, но весьма красноречивая оценка общественной роли книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Шартье Р.* Книги, читатели, мнение // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. Винченцо Ферроне и Даниеля Роша. М., 2003. С. 300.

² *Гришина З. В., Пушков В. П.* Библиотеки. Накопление и использование книжных богатств // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С. 524.

³ ОГВ. 1850. № 4. С. 16.

⁴ ОГВ. 1859. № 44. С. 253.

⁵ ВГВ. 1859. № 2. С. 11.

⁶ ВГВ. 1862. № 44. С. 316.

⁷ *Иконников В.* Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820–1870). Историческая записка. Казань, 1871. С. 7, 8, 210.

Э. А. Черноухов

КАКОЙ «СВОБОДЫ» ХОТЕЛИ УЧИТЕЛЯ ЧАСТНЫХ ГОРНОЗАВОДСКИХ ШКОЛ УРАЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА?

По мнению ряда исследователей, именно рубеж XVIII–XIX вв. стал началом Нового времени для России. Одним из важнейших доказательств этого они считают появившуюся в империи тенденцию реального ограничения крепостного права.

Вместе с тем результаты, достигнутые в крестьянском вопросе на протяжении всей первой половины XIX в., явно не соответствовали затра-

ченным усилиям и потребностям жизни. Причины этого неоднократно становились предметом различных дискуссий, в ходе которых, особенно в последнее время, зачастую высказывались полярно противоположные мнения.

По нашему мнению, главную вину за то, что крепостное право в России было отменено значительно позже, чем в других странах Европы, несут привилегированные сословия и социальные группы, в том числе интеллигенция¹. В качестве примера приведем учителей частных горнозаводских школ Урала – педагогов, призванных «сеять разумное, доброе, вечное».

В советской историографии сложилось устойчивое представление об их антикрепостнических взглядах, особенно среди тех, кто сам был в крепостной зависимости². А таких на горнозаводском Урале в рассматриваемый период времени было большинство. Ведь при остром недостатке специалистов Министерство народного просвещения разрешало занимать учительские места в приходских училищах всякому, обладающему знаниями по курсу и имеющему свидетельство о нравственной благонадежности. В частных школах это позволялось даже крепостным.

Одним из главных доказательств антикрепостнических взглядов учителей горнозаводских школ Урала было создание «противоправных» организаций. В рассматриваемый период они неудачно пытались организовать два из них: «общество вольности» в Верх-Исетском заводском поселке (1827) и кружок «приверженцев свободы» в Чермозском (1836)³. В советский период были опубликованы выдержки из сохранившихся следственных и судебных материалов по этим делам. Но даже эти тщательно отобранные фрагменты, а тем более свидетельства из других источников, позволяют усомниться в подобных выводах.

Неудавшимся организатором «общества вольности» в Верх-Исетском заводском поселке стал местный крепостной служитель Андрей Васильевич Лоцманов (1807 г. р.). Его отец занимал значительную должность в Московской конторе А. И. Яковлева. Поэтому А. Лоцманов получил хорошее общее образование у приходящих на дом учителей и в нескольких московских пансионах. С высокой долей вероятности можно сказать, что у его родителей была крепостная прислуга.

Однако после смерти отца в 1823 г. положение А. Лоцманова кардинально изменилось. Он был возвращен на родину – поселок Верх-Исетского завода. Здесь Лоцманов был назначен мелким служащим в заводскую контору и помощником учителя в местное училище⁴ с годовым жалованием в 200 рублей. Практически никаких перспектив для служительской карьеры с возможностью занять существенную должность у него, похоже, не осталось.

В своем жизнеописании, написанном во время следствия, Лоцманов отмечал, что «начал привыкать к новому роду жизни». В то же время, 16-летний образованный юноша, безбедно проживший в Москве десять лет, явно тяготился своим крепостным состоянием и положением провинциального педагога в начальной школе.

Лоцманов написал «возмутительное письмо», призывавшее создать в Верх-Исетском заводском поселке «тайное общество». В нем не содержалось никакого реального плана действий, в том числе по отмене крепостного права, а был просто набор красивых фраз о свободе. Последователей у недовольного юноши не нашлось. В 1827 г. Лоцманов был арестован и отправлен в Санкт-Петербург, а после завершения следствия, о котором было доложено императору, – определен в арестантскую роту Бобруйской крепости⁵.

По нашему мнению, вряд ли следует видеть антикрепостнические взгляды у А. В. Лоцманова. Более оправданно вести речь о крушении его юношеских надежд.

Похожую «противоправную» организацию через 10 лет пытался создать другой крепостной помощник учителя Петр Иванович Поносов. 20-летний сын местного престарелого 68-летнего караванного служителя только окончил полный курс (с третьим специализированным классом) училища при Чермозском поселке – центре горнозаводского имения Лазаревых⁶. До этого он нигде не служил и был определен помощником учителя.

Эта должность не считалась престижной (в терминологии тех лет – «интересной») в служительской среде. Жалование главного учителя в центральном училище имения было сравнимо с окладом служителей среднего звена. Но он не имел возможностей для извлечения т. н. «дополнительных доходов», т. е. воровства и иного произвола, традиционно производимого многими служителями. Причем об этой практике прекрасно знали сами заводовладельцы, но, уже давно не проживая на Урале, с нею в определенной мере смирились.

Подобное положение нашло яркое отражение в несколько более позднем донесении другого помощника учителя Чермозского училища Михаила Алексеевича Кирпищикова (1830 г. р.)⁷. В 1852 г. он просил перевести его в Главное правление имения или на другую служительскую должность, где его сверстники «уже давно порядочные деловые люди»⁸. Просьба М. А. Кирпищикова не была удовлетворена, и после отмены крепостного права он уехал из Чермоза.

Недовольный своим положением П. И. Поносов в 1836 г. составил проект общества «приверженцев свободы». В преамбуле его «положения» содержалось много красивых фраз о свободе, но в самих «пунктах» дей-

ствий отсутствовали какие-либо реальные мероприятия, а детально прописывались чисто организационные моменты⁹.

Этот проект подписали шесть местных младших служителей. Однако вскоре другой помощник учителя Чермозского училища 18-летний Алексей Ширкалин, которого также хотели привлечь в общество, донес о нем управляющему имением.

Обстоятельно проведенное следствие¹⁰ установило, что все это дело — лишь «плод безрассудной мечтательности и ветреной молодости», не имевшее никаких объективных причин. Источником идей этих молодых служителей было названо превратное прочтение некоторых книг. Все члены, включая Поносова, категорически отрицали свои антикрепостнические взгляды, а заявляли лишь о своем недовольстве «притеснениями заводского управления», т. е. субъективными факторами.

Впоследствии похожую оценку этого «Общества» дал Н. Н. Новокрещенных — главноуправляющий Пермского имения Лазаревых в 1874–1889 гг. Он определил его как «ребяческую затею», из корыстных побуждений возведенную в заговор одним из членов правления¹¹. Видимо, с этим была связана и неудачная попытка привлечь к следствию выпускника Санкт-Петербургской школы сельскохозяйственных и горнозаводских наук С. В. Строгановой сына местного крепостного служителя Н. Чернова¹². Он разработал более обширную программу для Чермозского училища, рассчитанную на девятилетний срок обучения. А в служительской среде традиционно недолюбливали людей, получивших образование «на стороне» и не видели необходимости в длительном обучении своих сыновей.

Тайно выезжавший на место чиновник Уральского горного правления Волегов не обнаружил в Пермских имениях Лазаревых никаких признаков осведомленности жителей об обществе «приверженцев свободы». Наказание шестерых юношей, подписавших положение, ограничилось сдачей в рекруты. Они были определены рядовыми в финляндские батальоны.

По нашему мнению, в этом деле оправданно вести речь об обострении внутрисловесных противоречий в местном служительском штате. Получившие хорошее образование молодые люди, не имевшие влиятельных родственников, просто не видели для себя особых перспектив в этой жестко корпоративной среде.

Следует отметить еще одно известное дело уральского педагога, также дошедшее до самого императора. Главный учитель Выйского училища Демидовых в 1820–1821 гг. Евлампий Максимович Мосцепанов регулярно писал заводовладельцу о многочисленных проблемах в Нижнетагильском округе: процветавшем кумовстве среди служителей, нерадивости и пьянстве

местного старшего лекарского ученика К. Синицына, произволе смотрителя в Нижнетагильском воспитательном доме, «ядовитом дыме медной руды, несущемся ветром в училище». Однако более влиятельными оказались его противники, добившиеся ареста за ложные «доносы».

На суде Мосцепанов выдвинул тяжелейшие обвинения против заводского исправника Платонова и главных приказчиков Нижнетагильской конторы (Рябова, Матвеева, Морозова), в том числе в убийствах и жестоких пытках. Однако этот произвол учитель нигде не связывал с крепостным состоянием подавляющего большинства жителей округа. В результате дело завершилось высылкой проводшего в тюрьме несколько лет Мосцепанова из Пермской губернии¹³.

Не дают оснований говорить об антикрепостнических взглядах учителей частных горнозаводских школ Урала и источники совсем другого плана — их многочисленные донесения и письма, сохранившиеся в архивных фондах. Нам не удалось обнаружить в них никакого даже опосредованного осуждения крепостного состояния. Перманентной темой большинства посланий было желание повысить свой статус. Причем часть желаний учителей у нас вызывает удивление.

Так, А. В. Всеволожский в 1844 г. нанял свое училище при Пожевском заводе Павла Ивановича Иванова — выпускника Гатчинского сиротского института. Тот остался недоволен своим обустройством в центральном поселке этого Пермского имения. Новый учитель, воспитанный в сиротских учреждениях, запросил себе в услужение сразу трех человек: прачку, кухарку и мальчика. Но местная контора предложила ему нанимать прислугу самому, за счет определенного дополнительного жалования¹⁴.

Нам не известно не одного случая, чтобы учитель частной горнозаводской школы Урала в первой половине XIX в. отказался от предоставляемой крепостной прислуги. Это традиционно рассматривалось как бесплатное дополнение к основному жалованию и регламентировалось в контрактах.

Об отсутствии антикрепостнических взглядов у большинства учителей частных горнозаводских школ на Урале косвенно свидетельствуют и сохранившиеся донесения заводовладельцев, обосновывавших их нежелание создавать училища или расширять сеть уже имевшихся. Ни в одном из них в качестве причины этого не назывались распространение учителями «вольнoлюбивых взглядов»¹⁵, зато отмечалась проблема сохранения внутрисословных перегородок среди местного крепостного населения.

Так, М. Демидова, владелица Бисерского и Рождественского заводов, в 1845 г. писала главному горному начальнику: «Известно, как тягостно для заводов излишество служителей, и как вредны они собственно для себя, — грамотные же крестьяне, к сожалению, до сих пор считают в нака-

зание работу и желают непременно быть служителями»¹⁶. А. В. Всеволожский в 1847 г., при передаче своих училищ в ведение Министерства народного просвещения, указывал: «Простое распространение грамотности влекло к ошибочному понятию, что все обучавшиеся в школах, считают работы (физические. — Э. Ч.) для себя низкими, будто бы могут уже и должны поступать непременно к занятию должностей по счетной части, смотрителей, надзирателей...»¹⁷

В целом, проанализированные нами источники¹⁸, свидетельствуют о том, что понимание свободы многими учителями частных горнозаводских школ Урала в первой половины XIX в. ограничивалось желанием повысить собственный социальный статус. Те из них, кто сами находились в крепостной зависимости, желали получить вольную от владельцев для себя и семьи. Одним их важных следствий этого они видели возможность иметь крепостную прислугу или получить больше людей в услужение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По традиционной версии, термин «интеллигенция» был введен только в 1866 г. П. Д. Боборыкиным. Однако в дневнике В. А. Жуковского это понятие, причем в современном его смысле, появилось еще в 1836 г. (Обсуждаем энциклопедию «Общественная мысль России XVIII – начала XX вв. Мат. подг. А. В. Мамоновым // Отечественная история. 2006. № 4. С. 101).

² См., напр.: *Коц Е. С.* Крепостная интеллигенция. Л., 1926; *Гаккель Е. В.* Крепостная интеллигенция в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1953; *Горловский М. А., Пятницкий А. Н.* Из истории рабочего движения на Урале Свердловск, 1954; *Курмачева М. Д.* Крепостная интеллигенция в советской историографии // *Историография общественной мысли дореволюционного Урала.* Свердловск, 1988; и др.

³ Эти условные названия были введены в оборот советскими же исследователями.

⁴ Созданного в 1822 году. См. о нем: *Черноухов Э. А.* Учебные заведения Верх-Исетского горного округа в первой половине XIX века // *Документ. Архив. История. Современность.* Вып. 9. Екатеринбург, 2008. С. 111–119.

⁵ См.: *Горловский М. А., Пятницкий А. Н.* Из истории рабочего движения на Урале... С. 189–205.

⁶ Созданного в 1811 году. См. о нем: *Черноухов Э. А.* Чермозское училище Лазаревых в 1811–1861 гг. // *Новейшая история России в образовательном пространстве школы и вуза: традиции и новации.* XIII всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2009. С. 341–347.

⁷ Большую известность получила его жена – уральская писательница, уроженка Палазнинского заводского поселка Анна Александровна Кирпищикова (1838–1927).

⁸ ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1077. Л. 182–183.

⁹ См.: *Рабочее движение в России в XIX веке.* Т. 1. Ч. 2. М., 1955. С. 163–166.

¹⁰ Материалы следствия по этому делу отложились в РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1822 и ГАСО. Ф. 43. Оп. 4. Д. 356).

¹¹ *Новокрещенных Н. Н.* Чермозский завод, его прошлое, настоящее и летопись событий. СПб., 1889. С. 98–99.

¹² РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1822.

¹³ См.: *Черноухов Э. А.* Дело Е. М. Мосцепанова // *Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность.* Екатеринбург, 2008. Кн. 1. С. 244–248.

¹⁴ ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 677. Л. 2–3, 15–15об.

¹⁵ Владельцы крепостных в тот период традиционно объясняли подобные взгляды превратным прочтением некоторых книг.

¹⁶ См.: *Черноухов Э. А.* Социальная инфраструктура Пермского имения Всеволожских в первой половине XIX в. // *Документ. Архив. История. Современность.* Вып. 11. Екатеринбург, УрГУ, 2010. С. 119–121.

¹⁷ ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 692. Л. 26–27.

¹⁸ При обсуждении сообщения на конференции было высказано мнение о том, что антикрепостнические взгляды просто не могли быть зафиксированы в использованных нами источниках. Автор будет благодарен тем, кто укажет на материалы, ставящие под сомнение его точку зрения. Он был бы искренне рад увидеть сведения об осуждении просвещенным учительством горнозаводского Урала крепостного состояния, к которому сам относится резко отрицательно.

О. В. Шабаршина

**ФОРМИРОВАНИЕ КНИЖНЫХ ФОНДОВ НА УРАЛЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В современных уральских библиотеках сохранились разрозненные остатки некогда богатых дореволюционных книжных фондов. Как они формировались? Как пополнялись библиотеки, принадлежавшие муниципалитетам, земству, заводам, другим организациям или частным лицам? В некоторой степени на эти вопросы отвечают сами книги, когда на них сохранились следы бытования: всевозможные штампы, печати, владельческие надписи. Заметим, что нередки были случаи, когда владельцы книжных магазинов в рекламных целях ставили штамп своего книготоргового предприятия. В случае же отсутствия таких «следов» неоценимым источником являются архивные материалы. Представление возможностей фондов Государственного архива Свердловской области (ГАСО) для изучения вопроса о путях и способах формирования книжных собраний на Урале во второй половине XIX в. является целью данной статьи. В современной ситуации плюрализма, новаций научных подходов и методов в исторической науке, не теряют свою актуальность «классические» приемы ра-